

Кондратьев В.

11/II 872

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

11 ФЕВРАЛЯ 1987 г. № 7 (5)

ИСКУССТВО

КИНО

Вячеслав
КОНДРАТЬЕВ

ОДИН ИЗ 20 000 000

Писатель на премьере

ЭТОТ фильм вызывает огромную боль.

И скорбь.

И благоговение.

Благоговение не только перед памятью погибших, но и перед матерями их, оставшимися жить с отчаянием и холодом в душе, потому как что может быть страшнее для матери — пережить своих детей, которых никто и ничто не сможет заменить.

И еще этот фильм несет в себе какое-то страшное и глубокое понимание того, что ставшая за сорок лет некоей абстракцией цифра двадцать миллионов — это не цифра! Это двадцать миллионов обрванных жизней! Это двадцать миллионов неповторимых личностей, духовных сущностей, каждая со своим огромным внутренним миром, со своим мировоззрением, со своими мыслями и чувствами. Личностей, без которых во многом оскудела наша земля, ведь сколько бы они могли привнести в нашу жизнь хорошего и доброго.

Меня этот фильм потряс еще и потому, что до сих пор не ушла боль от одной самой для меня тяжелой потери — гибели в том же сорок третьем году, в котором погиб и герой фильма Лева Федотов, моего друга и однополчанина поэта Ильи Лапшина, мать которого тоже до сих пор жива, как и мать Левы Федотова — Роза Лазаревна. Не могу забыть моего прихода после войны на старую Божedomку к матери Ильи, ее взгляда со вспыхнувшей надеждой, что вдруг я, однополчанин ее сына, принес какую-то другую весть, не ту, что получила она в сорок третьем, надеждой чуда... Но чуда не оказалось. Я ничего не знал о судьбе Ильи, я был уверен, что он остался на Дальнем Востоке и что он жив. Думаю, будь жив Илья, и моя судьба была бы несколько другой, что я раньше бы вошел в литературу, общение с ним, а также с Давидом Самойловым, с которым

он бы несомненно меня познакомил, могло бы мне обрести веру в себя, а ее так долго не хватало.

Если Илья Лапшин был талантлив как поэт, то Лева Федотов был талантлив во многом: он прекрасно рисовал, понимал глубоко музыку, писал потрясающий дневник, в котором были такие провидческие мысли, какие нам, его сверстникам, в то время и в голову прийти не могли. Мы все в той или иной степени предчувствовали войну, многие из поэтов нашего поколения написали задолго до войны пророческие стихи, но вот так предугадать ход событий, как предугадал их Лева Федотов, никто из нас не мог. И не только предугадать, но и еще иметь смелость написать об этом в дневнике. Написать! В то время, когда о близости возможной войны могли говорить лишь шепотом, да и то самым близким людям. А ведь Лева Федотов жил в том знаменитом «доме на набережной», где жил и Юрий Трифонов. И он был старше своего одноклассника Юры на два года, а значит, мог лучше других понимать, что может случиться с ним, попади эти строчки дневника в не-добрые руки.

Читаешь, что написал в своем дневнике Лева 5 июня 1941 года, и думаешь, как бесконечно ценна каждая человеческая личность в государстве, как чутко и бережно должны мы относиться к ней, к мнениям и мыслям каждого отдельного человека:

«...Я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца (то есть июня), или в начале июля. Но не позже, ибо Германия будет стремиться окончить войну до морозов. Я лично твердо убежден, что это будет последний подлый шаг германских фашистов... Но то, что мы сможем потерять в первую половину войны много территории, это возможно... А честно фашисты никогда не поступят... нападут внезапно и неожидан-

но, чтобы путем внезапного вторжения захватить побольше наших земель... Как ни тяжело, но мы оставим немцам такие центры, как Житомир, Винница, Витебск, Псков, Гомель, и кое-какие другие. Минск мы, очевидно, сдадим. О судьбах Ленинграда, Новгорода, Калинин, Смоленска, Брянска, Кривого Рога, Николаева и Одессы я боюсь рассуждать. Правда, немцы настолько безусловно сильны, что не исключена возможность потеря даже этих городов, за исключением только Ленинграда. То, что Ленинграда немцам не видать, в этом я уверен твердо. Если же враг займет и его, то это будет лишь тогда, когда падет последний ленинградец. До тех пор, пока ленинградец на ногах, город Ленина будет наш...»

За Одессу, как за крупный порт, мы должны, по-моему, бороться даже интенсивнее, чем за Киев. И я думаю, одес-

ские моряки достойно всыпят германцам за вторжение в область их города. Если мы и сдадим по вынуждению Одессу, то гораздо позже Киева, так как Одессе сильно поможет море... Понятно, что немцы будут мечтать об окружении Москвы и Ленинграда, но я думаю, что они с этим не справятся. Окружить Ленинград, но не взять его фашисты еще могут, ибо он все же сосед границы. Окружить же Москву они не смогут в области времени, ибо не успеют замкнуть кольцо к зиме. Зимой же для них районы Москвы и дальше будут просто могилой».

Сейчас это кажется прямо-таки мистическим ясновидением. Не так, конечно. В свои восемнадцать лет Лева Федотов не только интересовался многим, в том числе и политикой, но и умел глубоко анализировать явления жизни. Однако, думаю, этого было недостаточно, в пред-

видении несомненно присутствовала какая-то гениальная интуиция.

И вот такого человека погубила война! Сколько бы он мог сделать доброго, умного! И это лишь один из двадцати миллионов! Так сколько же мы потеряли гениев, талантов и просто хороших, честных людей, погибали ведь в большинстве лучшие! Сволота и тогда умела «перекрываться», пробиваясь на тыловые должности, от смерти подальше, а порадочные от фронта не таились, шли на самый передний край, где и слагали головы ради Победы, ради будущего.

Как подумаешь об этом, схватывает сердце непроходимой болью. И не запоздалая это боль, она всю жизнь, еще с войны, потому как понимали мы и тогда: меньше могло быть потерь, кабы лучше мы были подготовлены, кабы не учились воевать уже на войне. И опять, как энциклопедию солдатской жизни, открываю я сборник Юрия Белаша «Окопная земля», и опять нахожу в нем то, что чувствовали, что переживали мы, фронтовики, всегда:

Мы идем — и молчим.

Ни о чем говорить нам не хочется. Да о чем говорить, если мы четверть часа назад положили у той — будь она трижды проклята! — рожицы половину ребят — и на них, доложу вам, ребят.

Да, именно — «каких ребят»!

И как оказался нужным нам этот фильм в нашем благополучном, заполненном сиюминутными заботами сегодня, потому как возвратил нас к великому прошлому, помог нам ощутить еще глубже горечь безвозвратных потерь и вообще трагедию войн, в которых всегда погибает цвет нации.

И еще... Наша литература и искусство в неоплатном долгу перед матерями нашими, которые ждали и... не дождались. Где стоит памятник им, великому-че-

ницам всех войн? Сказала ли наша литература в полный голос о тех, кто был, пожалуй, самым несчастным в войну, потому как отдавал на смерть самое дорогое, самое родное — дочерей своих и сыновей? И чем измерить их горе, их муки бесконечного ожидания той страшной бумаги, которую народ назвал «похоронками»? И фильм наконец-то приоткрыл эту страничку, рассказав об одной из миллионов матерей, прожившей еще долгую жизнь после гибели сына. И сделал этот фильм — молодец!

Пора уж, наверно, сказать читателю и название этого фильма, и фамилии его создателей. Этот фильм называется «Соло трубы», и создали его сценарист Лев Рошаль, режиссер Александр Иванкин и оператор Валерий Никонов. Люди, как я уже говорил, молодые, войны не знавшие, но ощутившие, видимо, нравственную необходимость сказать и свое слово о ней. И сказали они его талантливо, с чувством огромной ответственности. Честно скажу, я как-то раньше не очень представлял возможности документального кино. Сейчас вижу, в чем-то они могут быть большими, чем в кино художественном. Фильм убедил меня в этом так же, как в свое время документальная книга Светланы Алексиевич «У войны — не женское лицо...» в отношении литературы.

Надо добавить, что снять такой фильм было нелегко, пришлось ведь беречь незажившую рану старой женщины, матери Левы Федотова, и как надо было тактично и мягко вести эту работу. Хочется думать, что этот прекрасный фильм только открывает тему матерей Великой Отечественной. Надеюсь, что кто-то из молодых продолжит эту тему, пока еще не поздно, ведь их, матерей наших, осталось единицы, и их образы должны быть запечатлены, чтоб остаться навсегда и в нашей памяти, и в памяти наших потомков.